ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. Заславский

Россия на пути к рынку: государственно-зависимые работники и популизм

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Zaslavskiy_1991_5.pdf

URL:http://www.civisbook.ru

РОССИЯ НА ПУТИ К РЫНКУ: ГОСУДАРСТВЕННО-ЗАВИСИМЫЕ РАБОТНИКИ И ПОПУЛИЗМ

Виктор Заславский

Углубляющийся экономический кризис, который одновременно означает и кризис политической власти, сопровождающийся крахом просоветских режимов в Восточной Европе, убеждает, что сталинскую систему уже не обновить и что нет и не может быть какой-либо разумной альтернативы рыночной экономике и разгосударствлению собственности.

Тем не менее, чрезвычайно замедленный ход экономических преобразований в первые пять лет перестройки свидетельствует о значительном противодействии переходу к рынку со стороны партийно-государственного аппарата и мощных сил советской бюрократии, а также о том, что приветствуют ориентацию на рынок не более трети населения.

В масштабах жизни одного поколения сталинская форсированная модернизация превратила Советский Союз в передовую военную державу и сделала возможным процесс советизации Восточной Европы и формирование советской мировой системы.

Политически мотивированное разделение отраслей на приоритетные и второстепенные легло в основу спроектированной государством системы стратификации, где некоторые социальные группы, занимающие ключевое положение в обществе, зачастую наиболее продвинутые в общеобразовательной и профессиональной подготовке, а также в своих организационных возможностях, в силу своих социальных интересов оказывают активное сопротивление какой-либо рыночной реформе.

Большинство советских социологов признает, что советское общество начинает переход к рыночной экономике «с чрезвычайно невыгодной стартовой позиции, характеризуемой национализированной экономической системой, консолидированной путем насильственной ликвидации рыночных отношений и установления политико-идеологических связей вместо экономических» (1, с. 46). В то же время существует мнение, что сегодняшний переход СССР к рыночной экономике будет намного легче, чем предшествовавший переход от аграрного к индустриальному обществу. Игорь Клямкин, в частности, предполагает, что советское общество должно просто перейти от одной фазы индустриального общества к другой — «от индустриальной к научно-технологической цивилизации» и что это будет в большой степени облегчено тем, что в СССР была в значительной степени осуществлена индустриализация, в результате урбанизации были устранены различия между городской и традиционной деревенской культурой и была предотвращена массовая маргина-

ЗАСЛАВСКИЙ Виктор, профессор Калифорнийского университета в Беркли и Мемориального университета Ньюфаундленда.

* Печатается с сокращениями.— *Ред.*

лизация сельского населения (1, с. 46—47). Однако эта точка зрения не вполне учитывает сложности советских преобразований.

Сегодняшний кризис в СССР — это общий кризис особой социальной формации. Старые принципы социальной и технологической организации сталинского периода остались прежними, а гражданский производственный сектор, структура общественных институтов и сам характер труда не претерпели никаких существенных качественных изменений. Система в значительной степени сохранила свою изолированность от мирового рынка.

Результатом этого явилось формирование парадоксального типа «традиционного» индустриального общества, которое было в состоянии поддерживать свою внутреннюю стабильность и самовоспроизводство, но колоссальная инертность сформировавшихся политических и экономических интересов и социальной структуры в целом делает невозможным, даже для реформистских лидеров, включение в советскую стратегию развития радикальных преобразований. Советское общество не только проигрывает западным индустриальным странам в соревновании по производительности труда и наиболее полному удовлетворению потребностей людей, но оно постепенно вырождается в саморазрушающуюся социальную организацию, подверженную кризисам и представляющую собой экологическую угрозу глобального масштаба.

Советский Союз осуществил необычную модернизацию изнутри и создал единственную в своем роде систему, полностью противоположную рыночным индустриальным обществам Запада. Эта несхожесть проявляется не только в количестве и качестве товаров, производимых рыночной и командной экономикой или при сравнении уровня производительности труда и масштабов инноваций, но также и при сравнении основных социальных типов работников, сформированных этими системами. В частности, советское общество производит работников, имеющих совершенно другое отношение к работе, инновациям и инициативе.

По этой причине противодействие населения введению рыночных отношений и приватизации, наблюдаемое сегодня в обществах советского типа и наиболее ярко проявляющееся в Советском Союзе, имеет глубокие корни. Анализируя проблему массового сопротивления реформам, необходимо различать «статический» и «динамический» аспекты этого явления. Первый из них обусловлен качеством человеческих ресурсов и преобладающим отношением к рынку и свободному предпринимательству, а второй — потенциальной антирыночной мобилизацией и возникновением антирыночных общественных движений.

СОВЕТСКИЕ РЕФОРМЫ И ГОСУДАРСТВЕННО-ЗАВИСИМЫЙ ТИП РАБОТНИКА

Идея, что советское общество создало свой особый, качественно отличающийся господствующий тип личности, всегда входила в арсенал советской пропаганды. Книги, написанные высокопоставленными аппаратчиками, например «Советский человек» С. Смирнова (2), изображали социалистический тип личности как антропологический тип, наделенный всеми мыслимыми добродетелями. Они были или справедливо отвергнуты или, в лучшем случае, порождали серию сатирических откликов, таких как "Homo Sovieticus" А. Зиновьева (3). Тем не менее, к концу 1970-х годов советские и восточноевропейские социологи стали рассматривать идею существования "homo sovieticus" как достойный объект научного анализа. В конечном счете было очевидно, что специфика советского общества, которое после сталинского периода формирования системы продвинулось в своем развитии на новую ступень, со стабильно функционирующими и самовоспроизводящимися институтами, долж-

на была обусловить появление некого основного типа личности, который бы наилучшим образом адаптировался именно к политической организации и экономической реальности командно-административной системы. Так, экспериментально продемонстрировав различия в оценке этических компромиссов и противоречий американскими и советскими респондентами, В. Лефебр высказал мысль, что, хотя советское общество и не является однородным образованием, производящим индивидуумов по строго определенному образцу, но оно преуспело в формировании своего особого нормативного типа личности (4). Т. Заславская и ее коллеги в известном «Новосибирском докладе» пришли к заключению, что социальный тип работника, порожденный советской экономической системой, «не только не отвечает стратегическим задачам развитого социалистического общества, но и технологическим требованиям современного производства». Наиболее явным недостатком этого социального типа является недостаток «сознательности, усердия, трудолюбия, ответственности, надежности, дисциплинированности, способности принимать самостоятельные решения, включающие преднамеренный риск» (5). Сейчас, в эпоху Горбачева, мысль, что "homo sovieticus" существует в реальности и что этот особый тип работника представляет собой главное препятствие на пути к «нормальному» западноевропейскому обществу, получила широкое распространение среди советской интеллигенции. Писатель М. Харитонов отметил: «Мы только сейчас начали осознавать, что Октябрьская революция не только установила новый строй со всеми особыми экономическими и политическими институтами, но также создала новую, доселе неизвестную цивилизацию со своей историей и мифологией, со своей системой этических и моральных ценностей, культурой и литературой. Это общество не только провозгласило рождение нового человека, но и действительно добилось этого» (6).

Вопрос о том, в какой мере советское общество преуспело в формировании и воспроизводстве нового антропологического типа или новой человеческой модели, остается открытым. Однако, после десятилетий коммунистической модернизации у населения стран советского типа обнаруживаются определенные глубоко укоренившиеся традиции и взгляды, котор-ые были проанализированы в целом ряде социологических исследований, предпринятых в Восточной Европе и Советском Союзе за последние десятилетия. В этом отношении концепция особого социального типа работника с его твердо усвоенными нормами поведения в сфере производства, распределения, обмена и потребления особенно продуктивна (7). Основной социальный тип работника, выработанный советскими общественными институтами и советским образом жизни, может быть определен как «государственно-зависимый», поскольку отношение к работе и отношение к государству являются двумя его основными характеристиками. С одной стороны это понятие относится к комплексу специфических трудовых привычек и к производственной этике, основанной скорее на уклонении от работы, чем на дисциплинированности и продуктивности, на общем пренебрежении к труду в государственном секторе экономики, на неспособности и нежелании идти на риск и проявлять инициативу. Государственно-зависимый работник всегда ценит выше гарантированность, чем успех, «подразумевая под гарантированностыо скорее отсутствие угрозы, чем наличие перспективы удовлетворения своих потребностей» (8, p. 101). С другой стороны, основанные на государственно-директивном управлении производство и распределение товаров и услуг имеют прямое отношение к такому типу работника. Общество советского типа было метко определено как «диктатура над потребностями» (9), характеризующаяся тем, что всемогущее государство удерживает монополию на определение, формирование и удовлетворение потребностей населения. Государство выступает как благодетель и защитник государственно-зависимых работников, поскольку оно гаран-

тирует обеспеченность работой и жалует привилегии и блага некоторым избранным социальным группам в соответствии с установленным порядком.

Главной целью экономики советского типа является последовательный рост контролируемого государством прибавочного продукта, а основным способом координации экономической жизни является централизованное, спланированное перераспределение этого прибавочного продукта, присваиваемого государством. Для увеличения общественного прибавочного продукта и осуществления политически обусловленных приоритетных задач государство перераспределяет его в пользу тех социальных слоев, которые рассматриваются как стратегически значимые.

Оно устанавливает между различными социальными группами административные барьеры и вводит правила, квоты и ограничения, контролирующие процесс перемещения из одной группы в другую. Иначе говоря, государство создает и поддерживает политико-административную систему контроля за принадлежностью к крупным группам и категориям населения и следит за проницаемостью административных барьеров между различными группами, регулируя таким образом межгрупповую социальную мобильность. Примером этого может служить политика, направленная на создание особо привилегированных заводов (так называемых закрытых предприятий) или привилегированных географических объектов (закрытые города). Используя свое положение единственного работодателя и основного распределителя, советское государство создает иерархическую социальную структуру, в которой обладание властью и привилегиями определяется исключительно местом в бюрократическом аппарате.

С точки зрения индивидуума, вынужденного принимать условия игры, такая политика государства, взявшего на себя функцию перераспределения произведенного продукта, разрушает стимулы к продуктивному труду, поскольку отсутствует взаимосвязь между производительностью и вознаграждением за труд. Государственная эксплуатация, базирующаяся на внеэкономическом принуждении, дополняется произвольным распределением наград. Все это рождает особую производственную этику: вознаграждение не зависит от трудового вклада, а достижение общественного благополучия не связано с заслугами или трудовым вкладом. Советская командно-административная система успешно и в массовом порядке производила работников соответствующего государственно-зависимого типа. В этом отношении особенно важными были следующие исторические вехи развития:

а) Были ликвидированы (даже физически) определенные социальные группы, включавшие в себя людей серьезно зависимых от рыночной регуляции социальной активности, к ним относились: торговцы, предприниматели, зажиточные крестьяне. Этот процесс способствовал усилению социально-психологической однородности советского общества, приводил к преобладанию среди его членов традиционного типа личности, оформившегося еще в условиях русской крестьянской общины.

б) Условия, в которых происходила советская урбанизация, по многим причинам значительно отличались от условий западноевропейской урбанизации.

Во-первых, советская модернизация, предпринятая под руководством Сталина, в большой степени осуществлялась посредством восстановления некоторых архаических, докапиталистических моделей социальной организации (10). С одной стороны, сталинская коллективизация и индустриализация привели к появлению огромных масс «безродных» мигрантов. Этот новый советский люмпен-пролетариат состоял из бывших крестьян, которые порвали связи со своей общиной, традиционно обеспечивающей определенный статус и культурную ориентацию. С другой — на той стадии развития советская команд-

ная экономика не только не была в состоянии поглотить дополнительные трудовые ресурсы, но и привязать рабочих к производственным объектам даже насильственным, неэкономическим путем. Сталинское руководство боролось против аграрного перенаселения с помощью урбанизации и индустриализации общества, превращая население в государственных крепостных и даже государственных рабов (11).

Во-вторых, в сталинское время массовая миграция из деревни в город, как следствие коллективизации, началась чрезвычайно стремительно, можно сказать, лавинообразно. Города были наводнены переселенцами из деревни, сбежавшими из колхозов, готовыми добывать минимальные средства существования работой на многочисленных стройках и промышленных предприятиях. Поскольку все капитальные вложения были направлены на достижение высоких размеров накопления и быстрого роста фондов капитала, эта массовая миграция не сопровождалась соответствующим развитием социальной инфраструктуры городов. В результате, цивилизующее и индивидуализирующее воздействие городской жизни не реализовалось. Вместо этого возникла «типично маргинальная, промежуточная, «барачная» субкультура» (12), которая сочетала в себе частично сохранившиеся традиции крестьянской общины с только еще нарождающейся системой ценностей городской цивилизации. Таким образом, развитие городского человека западного типа, формирующегося в результате развития индивидуальности и самосознания и подчиняющегося городским нормам поведения, было существенно замедлено, если не полностью блокировано.

В-третьих, невзирая на традиционную связь города и рынка, советские городские жители не были втянуты в рыночные отношения. Городское население подчинялось тем же государственным директивам, пропаганде, идеологической обработке, бюрократическому администрированию и жесткому контролю извне.

Наконец, советское государство преуспело как в создании широкой сети институтов социализации, так и в контроле над самим этим процессом. Это обеспечивало институциональную основу для превращения основного типа индивида, унаследованного от дореволюционной России, в индивида массового типа, соответствующего командно-индустриальному обществу. После устранения индивидов, ориентированных на рынок, процесс создания "homo sovieticus" продолжался в направлении усиления избирательно определенных черт традиционной личности, таких, как социальная пассивность и послушание властям. Поощрялось развитие некоторых черт и навыков, необходимых для деятельности индивидов в условиях промышленного производства. Годы сталинизма явились решающим периодом в формировании основного социального типа работника нового командно-управляемого общества. Для характеристики основных советских социальных групп: колхозников, промышленных рабочих, руководителей, администраторов или представителей «трудовой» технической или гуманитарной интеллигенции необходимо использовать черты именно этой государственно-зависимой личности, чьи основные интересы лежат в сфере распределения и перераспределения.

в) В послесталинское время сталинская система еще раз продемонстрировала свою приверженность преимущественному развитию тяжелой промышленности. Характерные черты государственно-зависимого работника были закреплены в нескольких поколениях, которые были включены в систему «организованного консенсуса», основанного на негласном общественном договоре между политическим режимом и народом. Советское политическое руководство, не решающееся и не желающее использовать террор как средство сохранения внутренней стабильности и экстенсивного развития экономики, выделило часть общественного дохода на осуществление социальной по-

литики, гарантировавшей право на труд и низкие цены на основные товары и жилье, не ставя, однако, под сомнение привилегированное положение военно-промышленного комплекса. Более того, работникам было даровано право менять по своему желанию место работы. В результате возник специфический полусвободный рынок рабочей силы, где главным критерием подбора промышленных рабочих стали не квалификация и высокая производительность, а текучесть кадров.

Как правильно подчеркнул П. Хослонер, «общественный договор нужно понимать не только как некую сумму распределяемых вожделенных материальных благ, но и как систему негласных нормативных соглашений, принятых народом и элитой в качестве ожидаемых и справедливых правил экономической игры» (13). Этот общественный договор определил основные нормы, отношения и ожидания советских граждан и имел решающее влияние на формирование и воспроизводство государственно-зависимой личности. Доказано, что по западным стандартам потребности советских работников скромны, а их ожидания занижены и подразумевают уступчивость. Но общая обеспеченность работой и стабильность цен, как и гарантированная всесильным государством обеспеченность всеми основными благами, стали незыблемыми нормами советского образа жизни и главным условием стабильных и' безконфликтных отношений между советским режимом и народом. Е. Лигачев, экс-лидер консервативного крыла КПСС, был совершенно прав, утверждая, что «наиболее ценной стороной нашей жизни всегда являлось то, что советские люди с уверенностью и без опасений смотрели в будущее. Это и есть то, что называется социализмом или, по крайней мере, его основной чертой» (14).

ГОСУДАРСТВЕННО-ЗАВИСИМЫЙ РАБОТНИК И ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Система государственной зависимости и бюрократического перераспределения, которая минимализировала риск каждого отдельного субъекта, гарантировала обеспеченность работой, стабильность заработной платы и в большой степени уравнительность в оплате труда, независимую от его производительности, работала против определенных групп и отдельных работников. Она ставила «синие воротнички» в более привилегированное положение, чем профессионалов в «белых воротничках» и рабочих, занятых в тяжелой промышленности, по сравнению с теми, кто работал в сфере обслуживания, посредственность и послушание над незаурядным мастерством, талантом, образованностью, способностью к предпринимательству и новаторству. Однако не нужно думать, что государственно-зависимый тип работника формировался главным образом в низших классах советского общества. Непредвиденными последствиями деятельности командно-административной системы явились не только исчезновение даже желания работать продуктивно, но и постепенное формирование своеобразного альянса между малоквалифицированными рабочими и некомпетентными руководителями производства, администраторами и учеными. Советские социологи часто характеризуют этот процесс как люмпенизацию населения, наблюдаемую во всех классах советского общества. Таким образом, общая ориентация на люмпенизацию, направленная на сохранение стабильного или даже возрастающего уровня потребления при отсутствии соответствующего трудового вклада, проявляется в двух основных формах: увеличении паразитического потребления, характерного для люмпен-номенклатуры, и сохранении уравнительного потребления среди подчиненных социальных групп. В результате, породив особый социальный тип государственно-зависимых работников и превратив их в основную социальную опору, совет-

екая командно-административная система в то же время создала своих могильщиков: огромные массы людей, не способных к конкурентной борьбе и жаждущих стабильности, чуждых новаторству и производительному труду и чрезвычайно восприимчивых к идеологии уравниловки, перераспределения и «социальной справедливости». Противодействие переменам и отсутствие в целом мотивации к обновлению — характерные особенности поведения социальных групп и индивидов на всех уровнях советского общества.

Само собой разумеется, что советское общество как сложная форма организации генерирует разнообразные социальные типы работников, из которых государственно-зависимый является одним из многих, но наиболее репрезентативным. Как часто подчеркивают советские социологи, дифференцированное отношение людей к рыночной экономике является следствием их различий в возрасте, образовании, творческих способностях, готовности идти на риск и других мнимых или реальных характеристиках. Очевидно, что в одной и той же социальной группе встречаются люди с совершенно противоположным отношением к рынку. Однако также очевидно и то, что доля государственно-зависимых работников значительно варьируется в зависимости от характера их труда, положения и соответствующих интересов различных социальных групп и слоев общества. Советские экономисты пришли к выводу, что сильное сопротивление рынку наблюдается у «тех рабочих и колхозников, кто не только приспособился к условиям социальной пассивности, инертности и экономического нивелирования, но также научился извлекать выгоду из имеющегося дефицита рабочей силы» (15, 1990, № 6, с. 25).

Причины сопротивления населения переходу к рыночной экономике и частной собственности легче понять, анализируя ситуацию на примере таких социальных групп, как советские колхозники, малоквалифицированные работники ручного труда и высококвалифицированные рабочие военно-промышленного комплекса, поскольку в этих многочисленных группах большую часть составляет особый тип государственно-зависимых работников.

Советские колхозники. За период с 1970 по 1985 гг. Советский Союз был фактически единственной страной, в которой не было получено прироста урожая. Советские ученые единодушны во мнении, что сегодняшний кризис советского сельского хозяйства является результатом «раскрестьянивания» страны и люмпенизации колхозников. Колхозный строй полностью разрушил традиционную крестьянскую производственную этику. Несколько поколений советских крестьян жили фактически во «втором крепостничестве». Лишив их права передвижения и тем самым привязав к колхозам, советское государство нещадно их эксплуатировало. Как заметил один специалист по сельскому хозяйству, «в последние десятилетия колхозники не могли рассчитывать даже на 10 % урожая на личное потребление, т. е. вдвое меньше того, что крестьянин получал при феодализме» (15, 1989, № 4, с. 47). Соответственно труд в колхозе был в целом затратным и непроизводительным, поскольку уклонение от труда, работа спустя рукава, безразличие и апатия оставались единственной формой защиты от эксплуататорского государства. Конечно, колхоз не являлся единственным носителем советской крестьянской производственной этики. В конце концов, советское сельское хозяйство представляло собой симбиоз социалистического аграрного сектора и личного приусадебного хозяйства, где крестьяне самостоятельно производили продукцию для рынка (16). Это — феномен «расчленения социалистического способа производства», когда государственный сектор вынужден полагаться на дополнительные экономические структуры и допускать в небольших количествах частное предпринимательство (17). В таких условиях можно было бы ожидать возникновения противоположных мотивов поведения, поскольку «обесценивание труда в государственном секторе эконо-

мики сопровождается повышением значимости и ценности труда, производимого для себя и рассматриваемого как средство улучшения материального положения» (8, p. 104). И действительно, такое противопоставление навыков и отношения к труду в общественной и частной жизни ярко проявляется в восточноевропейских обществах советского типа и среди отдельных групп советских людей, особенно тех, кто связан с «теневой экономикой». Однако такие тенденции лишь только частично затронули основную часть колхозников. Почти полное отсутствие механизации и нехватка дополнительного времени на ведение личного хозяйства сделали эти минимальные формы частного предпринимательства крайне непривлекательными для крестьян. «Мизерный размер приусадебного хозяйства и в дополнение к этому обязательная работа в колхозе или совхозе, строгий контроль за расходованием кормов, недостаток сельскохозяйственной техники, препятствия интенсивному использованию земли и строгий запрет на частное партнерство и кооперативы — вот все то, что не дает крестьянину стать независимым предпринимателем» (18).

Преобладание государственно-зависимых работников среди колхозного населения было обусловлено также постоянным оттоком из деревни наиболее энергичных и предприимчивых элементов каждого поколения сельских жителей. В результате колхозы лишились своих лучших трудовых кадров. Более того, поскольку все основные способы исхода из деревни — служба в армии или система организованного набора на работы в отдаленных районах страны — касались исключительно или большей частью юношей, это вызывало рост диспропорции мужского и женского населения деревни.

В послесталинский период формирование государственно-зависимых работников среди колхозников было усилено введением своего рода минимального гарантированного заработка, которым государство обеспечивало в той или иной степени всех колхозников вне зависимости от их трудового вклада. А. Стреляный высказал мнение, что после десятилетий «второго крепостного права» советские крестьяне примирились со сталинской коллективизацией (7, с. 133—134). В колхозах вырастали новые поколения людей, не знакомые с иным образом жизни, приученные принимать за норму минимальную обеспеченность, получаемую в обмен на минимальные трудовые усилия.

Малоквалифицированные промышленные рабочие. Особенностью советской насильственной индустриализации является постоянное наличие группы малоквалифицированных рабочих, занятых на тяжелых ручных работах. Сейчас их насчитывается свыше 50 млн. или 40 % всей рабочей силы в Советском Союзе. Советские исследователи не раз подчеркивали, что «за последние 25 лет в структуре занятости и квалификации советского населения не произошло каких-либо заметных изменений» (15, 1989, № 4, с. 18). Кроме того, тенденция к деквалификации стала отчетливо проявляться во всех слоях рабочих. Советские малоквалифицированные рабочие, занятые ручным трудом, явились основной социальной группой, получившей выгоду от «социального компромисса» между режимом и рабочим классом. В условиях полной занятости и значительной текучести кадров, они могли добиваться уступок от администрации, угрожая воспользоваться своим правом увольнения по собственному желанию. Выгодное положение малоквалифицированных рабочих видно на примере широко распространенной практики так называемой выводиловки, когда администрация предприятия бывает вынуждена искусственно завышать уровень заработной платы вне зависимости от трудового вклада рабочего лишь для того, чтобы удержать его на рабочем месте. Эти рабочие крепко привязаны к своей допотопной работе и относительно высокой заработной плате, рассматриваемой ими как справедливое вознаграж-

дение за тяжелую и непрестижную работу. В большинстве случаев они не способны и не желают повышать свою квалификацию или проходить сложную переподготовку, чтобы стать конкурентоспособными в рыночных условиях. Консервативное влияние этой страты советского общества отчетливо проявилось уже в середине 60-х годов, когда отказ от так называемой косыгинской реформы в значительной степени был спровоцирован совместным противодействием советской бюрократии и малоквалифицированных рабочих. Еще недавно Л. Абалкин среди прочих экономистов, утверждал, что «колоссальная инертность этой огромной группы, являющейся составной частью рабочего класса, представляет собой главное препятствие на пути перехода к рыночной экономике» (19). К такому же выводу приходит и В. Ярошенко, который пишет, что советское общество только сейчас стало ощущать «политическое давление огромного слоя рабочих, привязанных к своей работе силой привычки, послушания, ведомственным жильем, очередью на квартиру и даже просто в силу низкой квалификации или плохой репутации» (20).

Высококвалифицированные рабочие военно-промышленного комплекса (ВПК). Неприятие рынка со стороны малоквалифицированных работников всегда представлялось очевидным. Но ход перестройки показал, что и большая часть квалифицированных работников во многом не согласна с экономическими инновациями и реформами. Квалифицированные и образованные промышленные рабочие представляют собой те группы, к которым апеллирует программа экономических преобразований, и они, по-видимому, готовы оказать ей полную поддержку. Известно также, что сегодня советское население в целом получает более высокое образование, чем предыдущие поколения. Промышленные рабочие стали господствующей силой общества и, несмотря на непропорционально высокую долю в их рядах работников ручного труда, образовательный и квалификационный уровень советских рабочих значительно вырос. Кроме этого «более высокий уровень образования подкрепляется получением ими ряда квалификаций, которые они легко могут менять в зависимости от институциональной среды» (21). Правильность этого наблюдения подтверждается тем, что уровень образования и квалификация членов кооперативов, этих «прототипов» свободных предприятий в Советском Союзе, заметно выше, чем в среднем по стране. Директора государственных предприятий постоянно жалуются на то, что теряют лучших работников, которые уходят в кооперативы. Тем не менее советские социологи не уверены в том, что квалифицированные работники окажут сильную поддержку введению рынка. Поэтому они считают, что сегодняшняя структура советского общества остается основным препятствием на пути перестройки, и обращают внимание на стратификацию, отражающую особый тип промышленности и предприятия, как основу государственно-контролируемой стратификационной системы. В частности, анализ функционирования так называемых закрытых предприятий как специфической формы организации производства в советском военно-промышленном комплексе может помочь понять, как генерируется и сохраняется государственно-зависимый тип работника среди наиболее квалифицированных и образованных групп промышленных рабочих.

Еще впереди то время, когда гласность окончательно сорвет завесу секретности с этого важного компонента советской экономики, но уже много стало известно об истинном размере ВПК и об условиях работы и социальных интересов его работников. По подсчетам видных советских и американских экономистов военные расходы в СССР составляют от 20 до 25 % национального бюджета. Гласность наконец развеяла распространенный миф о том, что военная промышленность, как единственный конкурентоспособный сектор советской экономики, представляет собой главную инновационную силу и источник валюты. Из средств массовой информации стало уже известно, что

присутствие советских войск в странах третьего мира не было оплачено и никогда не было желанным там. Ученые, имевшие опыт работы в ВПК, свидетельствовали, что военно-промышленный комплекс, используя свое привилегированное положение в советской системе, присваивал лучшие материальные и трудовые ресурсы страны, чтобы затем с успехом душить технологический прогресс прежде всего в гражданском, а в конечном счете и в военном секторе экономики. «Тотальная секретность превратилась в государственную политику на подавляющем большинстве предприятий наукоемких производств. Не только стал невозможным перенос передовой технологии в гражданские отрасли, но и проблематичной сама реализация инноваций в оборонном секторе. Разработка идей не шла дальше рабочих моделей, а затем они исчезали в бюрократических лабиринтах ВПК» (22).

Работники закрытых предприятий всегда были своего рода «рабочей аристократией» советского общества. Высокие заработная плата и пенсия, лучшая организация труда и наиболее совершенная технология, применяемые на военных заводах, всегда привлекали самую ценную рабочую силу. Правда, они обладали всеми этими благами ценой подчинения особо пристальному контролю со стороны секретных служб и отказа от права менять работу по собственному желанию, посредством чего формируется рабочая сила других отраслей промышленности. В результате образовалась группа квалифицированных рабочих, покорность и послушание которых с лихвой вознаграждались различными материальными и духовными благами. Эти специфические условия труда нейтрализовали реформистский настрой рабочих ВПК, которые иначе, в силу своего превосходства в уровне квалификации и образования, пополнили бы ряды наиболее убежденных сторонников реформ. Зависимость этих рабочих от государства проявляется в их обоснованной заинтересованности в наличии сильного государства и централизованного планирования как необходимых условий сохранения того незыблемого приоритетного положения, которое было отведено ВПК. Переход к рынку угрожает этим рабочим понижением уровня жизни и значительной потерей социального статуса. «Рабочие, занятые в военном производстве, в недавнем прошлом элитарная группа с высоким уровнем жизни, сегодня превратились в «бедных родственников» нарождающейся рыночной экономики, аутсайдеров общественной жизни» (23). В результате, квалифицированные рабочие военных предприятий вместе с их руководителями являются значительной и хорошо организованной антирыночной силой советского общества. Советским реформаторам и в целом народу хорошо об этом известно. Примечательно, что когда делегаты Первого съезда независимых рабочих движений, проводившегося в Сибири в мае 1990 г., обсуждали вопрос о роли закрытых предприятий, они особо потребовали перевода этих предприятий под контроль демократически избранных властей и включения их в рыночные отношения. Они также призвали вернуть рабочим ВПК право на забастовку (24, 13.VII.1990, с. 15).

Горбачевская перестройка прервала процесс воспроизводства государственно-зависимых работников, которые с их искаженной производственной этикой и расчетом на получение благ и привилегий от государства, в новых условиях ощущают себя уязвимыми. Если бы переход к рынку осуществлялся постепенно, то реформаторы предпочли бы положиться на то, что этот тип работника будет постепенно сходить с исторической сцены. Но время работает против такого выжидательного подхода, так как если советское традиционное индустриальное общество оставить развиваться на собственной основе, оно быстро скатится на уровень стран третьего мира. После прихода к власти Горбачева, руководство пыталось мобилизовать население на осуществление реформ при сохранении системы. Когда провал этой стра-

тегии стал очевиден, реформистские лидеры были вынуждены пойти на фундаментальные преобразования самой системы. На этой новой стадии реформ социальная мобилизация в значительной мере становится спонтанной, возникая в форме развертывающихся снизу общественных движений. Особого внимания заслуживает вопрос о месте государственно-зависимых работников в различных формах социальной мобилизации и их роль в противодействии процессу перехода к рынку.

На первом году своего руководства Горбачев не имел иного выбора, как продолжать стратегию своего патрона, Ю. Андропова, направленную на преодоление кризиса советской экономики. Это была хорошо знакомая политика бюрократической мобилизации, сочетающая в себе попытки разжечь трудовой энтузиазм с административными мерами. Одновременно Горбачев предпринял широкую замену административного и руководящего персонала на всех уровнях партийно-государственного аппарата.

Обновив аппарат, Горбачев представил свою первую программу экономических реформ, основанную на технологической мобилизации. Ключевым звеном этой программы явилось «ускорение развития», планировавшееся до 2000 г. Обещание, что к 1990 г. от 89 до 95 % советских промышленных товаров выйдут на уровень «мировых стандартов» (25, p. 307—308), сильно напоминало хрущевскую программу полного построения коммунизма к 1980 г. И действительно, в конце 1980-х государственные вложения в машиностроительную и металлообрабатывающую отрасли резко возросли, вместе с чем появилась возможность увеличить закупки западной техники и оборудования за счет сокращения импорта потребительских товаров, который в 1989 г. составил одну треть от уровня 1985 г. (26). Неудивительно, что эта технологическая мобилизация нанесла сокрушительный удар по советской экономике, укрепив по существу ту самую сталинскую структуру, которая привела страну в упадок.

В конце концов Горбачев пришел к выводу, что экономические реформы могут быть успешно осуществлены только «при условии все возрастающего участия народа в процессе принятия решений и их реализации прежде всего на своем рабочем месте, а затем и в масштабах всего общества» (25, p. 383). Изменение политической атмосферы в обществе в целом, в сочетании с дальнейшим процессом развала экономики и резким падением уровня жизни, проявляющемся в тотальном дефиците и нормировании продуктов, вплоть до сахара и хлеба, привело к глубокой поляризации общества.

На этой нозой стадии горбачевских реформ в стране происходит множество коллективных социальных акций и оформляются общественные движения. Часть из них выступает за либерализацию и демократизацию, другая занимает глубоко консервативную и антирыночную позицию. Политическое возрождение советского общества отчетливо проявляется в сегодняшней массовой мобилизации и консолидации вокруг популистских и националистических программ.

ПОПУЛИЗМ В РОССИИ

М. Конован пишет, что термин «популизм» представляется «исключительно расплывчатым и в зависимости от контекста может относиться ко множеству разнообразных явлений»; она предлагает прежде всего различать аграрный и политический популизм (27). Касаясь СССР, мы имеем дело с политическим популизмом, который может одновременно рассматриваться как идеология, как социальное движение, «как своего рода возрожденное самосознание, возникшее из разных исторических и географических контекстов как

результат особой общественной ситуации» и как специфическая политическая психология (28, р. 3—4). Это политическое движение возникло в советском обществе с созданием таких условий, которые диктовали необходимость переведения общественных взглядов, стереотипов и ценностей в форму конкретных политических и экономических программ. Популизм распространился преимущественно среди русского населения, поскольку национализм в нерусских республиках представляет собой более сильно действующую основу для массовой мобилизации. Г. Ионеску и Э. Гельнер отметили, что с этой точки зрения популизм можно трактовать как «специфический негативизм — с характерной для этой позиции частицей «анти» (28, р. 3) и что большим знаменателем сегодняшнего русского политического популизма выступает именно острая ненависть к советской бюрократии и в особенности к партийно-государственному аппарату. Поэтому, начиная с 1989 г., почти на всех свободных выборах кандидаты от партийного аппарата потерпели поражение, тогда как те, кто восстал против аппарата — от Б. Ельцина, исключенного из Политбюро, до бывшего генерала КГБ О. Калугина, лишенного звания и наград,— были избраны с большим перевесом голосов. Помимо этой всеохватывающей ненависти к бюрократии, популизм почти не имел или даже вовсе не имел чего-то похожего на позитивную программу, настаивая вместо этого на выполнении ряда противоречивых и запутанных требований. Г. Попов, видный экономист, избранный мэром Москвы на волне протеста населения против кандидата от партийной бюрократии, замечает, что «мы постоянно сталкиваемся с тем, что огромное число простых граждан проявляет интерес к глубоким экономическим и социальным переменам очень недолго и лишь на первом их этапе. И что этот интерес базируется не на понимании нового, а на ненависти к старому — на деструктивных аспектах» (29). Именно эта очевидная противоречивость популистских требований с самого начала бросилась в глаза советским аналитикам. Ненависть к бюрократии и призывы к социальной справедливости, понимаемой как ликвидация бюрократических привилегий и перераспределение богатств и излишков собственности, сочетается с решительным сопротивлением свободному предпринимательству и рыночной конкуренции. Отсюда — популистское требование жесткого государственного контроля над ценами и одновременно жажда изобилия потребительских товаров, возможного только в условиях рынка, призывы к ликвидации системы нормированного снабжения и бюрократии, обслуживающей ее. Подобно этому, требования полной занятости и обеспеченности работой сочетаются с сильными антикооперативными настроениями и призывами к роспуску вновь созданных кооперативов, которые могли бы предоставить столь необходимые рабочие места (22, 1989, № 14, с. 3—8). Современный русский популизм выражает «тенденции, глубоко укоренившиеся в обществе и сформировавшиеся за десятилетия коммунистической модернизации» (30). Фактическая нежизнеспособность социалистической модели, реализованной в' советском обществе, не отрицает того факта, что сложившийся в ходе этого процесса советский образ жизни соответствует жизненной практике, нормам привычного поведения и идеалам большей части населения. Важно отметить, что основные популистские требования совпадают с главными условиями послесталинского негласного компромисса между партийным государством и работниками, при котором их послушание, низкие запросы и невмешательство в политику компенсировались стабильностью цен, полной рабочей занятостью и постепенным ростом уровня жизни.

Однако рабочий класс нельзя рассматривать как гомогенную и недифференцированную массу. Его внутренняя неоднородность находит отражение в развертывающихся процессах социальной дифференциации, которые привели к постепенному образованию двух отличающихся друг от друга течений в популист-

ском движении. Действительно, советские авторы уже различают правый и левый популизм (29). Эти понятия, однако, употребляются не в соответствии с их значением в западной терминологии, и советские аналитики не могут прийти к единому мнению, пытаясь оперировать этими терминами применительно к реалиям советского общества (31). Чтобы избежать этих разночтений, мы будем различать «государственный популизм» и «рыночный популизм». Эти два термина более полно передают различие между двумя направлениями популистского движения, поскольку лозунги этих движений касаются не только рабочей занятости, заработной платы и условий труда, но и новых форм собственности — главного параметра, в корне различающегося в обществах, основанных на рыночном и командно-административном типах социальной координации.

«Государственный популизм» встает на защиту групповых потребностей и интересов государственно-зависимых работников — задача, особенно насущная сегодня, поскольку «с самого начала перестройки по мере развертывания реформ, положение не только отдельных предприятий, но и целых отраслей промышленности становится угрожающим» (20). Государственные популисты настаивают на сохранении государственной собственности на средства производства как основной формы собственности в советском обществе и возлагают свои надежды на сильное патерналистское государство, обеспечивающее работающим гражданам занятость и «социальную справедливость». Их позиция характеризуется большим недоверием к интеллигенции и критикой в адрес властей скорее за их коррумпированность, чем за развал экономики. Их представление о социальной справедливости — не что иное, как «готовность принять устоявшуюся иерархическую систему власти и привилегий» (7, с. 19) или же безоговорочное оправдание сформированной государством системы стратификации, ставящей в приоритетное положение тяжелую и в особенности военную промышленность. Они препятствуют любым попыткам приватизации, начиная с создания кооперативов и кончая перераспределением собственности. Они отдают себе отчет в том, что введение рыночных цен и структуры заработной платы угрожает их обеспеченности работой и привилегиями.

Предприятия ВПК особенно не защищены от последствий каких-либо структурных изменений в системе приоритетов, исходящих из анализа доходов и расходов или из рыночных критериев. По этой причине можно ожидать активного участия рабочих «закрытых» предприятий в государственном популистском движении. Действительно, радикально ориентированные советские социологи и экономисты неоднократно подчеркивали, что «наиболее ревностные в силу ряда причин поборники социализма сосредоточены в военно-промышленном комплексе» (24, 10.VIII.1990, с. 9). Поэтому, как лидеры, так и рядовые члены консервативного «Объединенного фронта трудящихся России», программа которого наиболее точно выражает идеи государственного популизма, принадлежат к работникам ВПК. Соответствующие социологические исследования показывают, что социальная база государственного популизма сосредоточена в городах с высокой концентрацией «закрытых» предприятий, таких как Свердловск, Таллинн и Ленинград. «Около 80 % предприятий Ленинграда работают в оборонном секторе» (32). В итоге государственный популизм встает в один ряд с традиционными структурами советского государства, которые отчаянно борются за сохранение своих позиций в условиях реформ. Как результат альянса государственного популизма и официальных профсоюзов прошла серия локальных забастовок, главным образом в крупных городах, где к власти пришли сторонники реформ. Те самые профсоюзы, которые на протяжении семидесяти лет запрещали своим членам устраивать забастовки, «теперь выступают как главные борцы за право на забастовки и являются их основными организаторами» (29).

Забастовка рабочих угледобывающих предприятий в 1989 г. явилась первым проявлением рыночного популизма в советском обществе. В ходе шахтерской забастовки, начавшейся в Сибири и затем распространившейся на крупнейший в стране Донецкий бассейн, советское руководство получило пакет стихийно сформулированных условий, включавших требования повышения уровня жизни и улучшения условий труда, а также поддержки кампании против коррумпированной номенклатуры и отказа партии от монополии на политическую власть. Шахтеры добивались коренного изменения структуры управления угольной промышленностью. Примечательно, что они требовали предоставить шахтам полную юридическую и экономическую самостоятельность, что должно было сделать их первыми субъектами рыночных отношений в стране. Шахтеры, в частности, стремились получить право самостоятельно продавать значительную часть добытого угля в стране и за границей и расходовать полученные средства на государственные налоги, амортизацию, оплату труда, социальные нужды, развитие, а также оставлять себе в виде прибыли. К волне шахтерских забастовок были готовы присоединиться советские железнодорожники, выдвигавшие почти те же требования. Нельзя недооценивать значение этого «рыночного популизма». Как справедливо заключили Т. Фридгут и Л. Цигельбаум, «забастовка и давление, которое было оказано стачечными комитетами, начиная с июля 1989 г., не столько продвинули вперед перестройку, сколько придали ей новое содержание и расширили ее границы, выявив малозаметный ранее демократический компонент в сфере экономики» (23). До забастовки шахтеров предлагаемые радикалами меры по слому административно-командной системы и переходу к рыночной экономике представлялись и осознавались народом как своего рода рационализация, изобретенная жаждущими власти интеллигентами, стремящимися переложить бремя расходов, связанных с переходом к рынку на плечи трудящихся. Забастовка оказала реальную поддержку реформаторам-радикалам, демонстрируя, что программа перехода к частной собственности и рыночным отношениям может рассчитывать на организованную общественную поддержку. К тому же она помогла разрушить образ советского промышленного рабочего как основной консервативной антирыночной силы.

Ясно, что сегодня этот рыночный популизм остается движением, ограниченным отдельными отраслями промышленности. Он вызывает отклик в тех слоях рабочего класса, которые находятся в меньшей зависимости от государства и чья обеспеченность работой в условиях нынешнего топливного дефицита и транспортных перегрузок поставлены под сомнение. То обстоятельство, что с развитием полноценного рынка многие из успешно работающих на сегодняшний день шахт станут нерентабельными, что приведет их к банкротству и к безработице среди шахтеров, является делом столь отдаленного будущего, что не может приниматься в расчет. В сентябре 1990 г. Всесоюзный съезд шахтеров одобрил план создания первого в Советском Союзе независимого профсоюза, который может развиться в мощную политическую и экономическую силу, настойчиво добивающуюся перехода к рыночной экономике. З. Бауман справедливо указал на то, что «в условиях командной экономики ни одна социальная сила не в состоянии реализовать свои интересы за счет роста капиталовложений и производительности труда» (34). Однако на начальном, решающем этапе рыночной реформы такие сторонники рыночного популизма, как шахтеры и некоторые другие хорошо организованные группы непривилегированных рабочих, преимущественно из добывающих отраслей, могут выступить именно в этом качестве, давая таким образом импульс и необходимые предпосылки для перехода к рынку. Рыночный популизм может быть использован для нейтрализации «синдрома уравнительности» с его «нормами уравнительного распределения, боязнью личной

инициативы, антипрофессионализмом и антиинтеллектуализмом» (35), который остается главной основой общественного противодействия реформам в обществах советского типа.

Однако поддержка рыночным реформам по отдельным отраслям может оказаться малоэффективной при наличии активных антирыночных сил и преобладании государственно-зависимой рабочей силы. Советские реформаторы должны выработать такую стратегию, которая помогла бы заручиться поддержкой со стороны государственно-зависимых рабочих или, по крайней мере, ослабить либо нейтрализовать их активное сопротивление. Однако имеется шанс овладеть энергией националистической мобилизации и направить нарождающийся российский сепаратизм по пути введения рыночной экономики и ее интеграции в мировой рынок...

Декабрь 1990 г.

1. «Латинская Америка», 1990, № 3.
2. *Смирнов Г.* Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1973.
3. *Zinoviev A.* Homo Sovieticus. L., 1985.
4. *Lefebvre V.* Algebra of Conscience. A Comparative Analysis of Western and Soviet Ethical Systems. Dordrecht, 1982.
5. «Новосибирский доклад», 1984, с. 105—106.
6. «Страна и мир», 1990, № 3, с. 148.
7. В человеческом измерении. М., 1989; "Times Literary Supplement". 24—30.XI.1989, p. 1295—1296; "Social Research, 55", № 1—2, 1988, p. 101; «Новосибирский доклад», 1984, с. 105.
8. "Social Research, 55", № 1—2, 1988.
9. *Feher F., Heller A., Markus G.* Dictatorship Over Needs. N. Y., 1983.
10. *Lewin M.* The Making of the Soviet System: Essays in the Social Theory of Interwar Russia. N. Y., 1985, p. 43; *Brzezinski Z.* "Soviet Politics: From the Future to the Past?" In: The Dynamics of Soviet Politics. Cambridge, 1976.
П. Социализм: противоречия системы. М., 1989, с. 100—101, 226—228.
12. В человеческом измерении. М., 1989, с. 184.
13. *Hauslohner P.* "Gorbachev's Social Contract".— "Soviet Economy", 1987, 3:1, p. 58.
14. «Огонек», 1990, № 16, с. 6.
15. «Вопросы экономики».
16. *Wadekin K. E.* The Private Sector in Soviet Agriculture. Berkeley, 1973.
17. Polish Paradoxes. L.— N. Y., 1990, p. 180—182.
18. *Timofeev L.* Soviet Peasants. N. Y., 1985, p. 71.
19. «Литературная газета», 2.XI. 1988.
20. «Новый мир», 1990, № 2, с. 127.
21. *Ruble B.* "The Social Dimensions of Perestroika".— "Soviet Economy", 1987, 3:2, p. 171.
22. «Коммунист».
23. *Shkaratan O.* "Perestroika and the Rise of Mass Nationalism in the USSR", A Paper Presented at the International Conference "Nationalism and Perestroika" at the W. Averell Harriman Institute for Advanced Study of the Soviet Union. Columbia University, October 16—17, 1990, p. 10.
24. «Русская мысль».
25. *Hewett E.* Reforming the Soviet Economy: Equality Versus Efficiency. Washington, 1988.
26. «Правда», 24.VII.1990.
27. *Conovan M.* Populism. N. Y., 1981, p. 3, 13—16, 136—138.
28. *Ionescu G., Gellner E.* Populism. Its Meanings and National Characteristics. L., 1969.
29. "The New York Review of Books", 16.VIII.1990, p. 27.
30. Times Literary Supplement. 24—30.XI. 1989, p. 1295.
31. «Знамя», 1990, № 1, с. 218; 'The New York Times", 15.IX.1990, p. A31.
32. "Business in the USSR", 1990, № 4, p. 57.
33. "The New Left Review", 1990, № 181, p. 31; «Социологические исследования», 1990, № 7, с. 109—110.
34. "Telos", 1989, № 79, p. 61.
35. *Bernik L* "Functions of Egalitarianism in Yugoslav society".— "Praxis International", 1990, 9:4, p. 427-431.